

Оглавление

Предуведомление.....	10
Пролог	12
Введение	21
«Люди чести»	29
Глава 1. ВОЗНИКНОВЕНИИ МАФИИ: 1860–1876 гг.....	38
Глава 2. МАФИЯ ПРОНИКАЕТ В ИТАЛЬЯНСКУЮ ВЛАСТЬ: 1876–1890 гг.....	77
Глава 3. КОРРУПЦИЯ В ЭШЕЛОНАХ ВЛАСТИ: 1890–1904 гг.	98
Глава 4. СОЦИАЛИЗМ, ФАШИЗМ, МАФИЯ: 1893–1943 гг.	154
Глава 5. МАФИЯ ПУСКАЕТ КОРНИ В АМЕРИКЕ: 1900–1941 гг.	191
Глава 6. ВОЙНА И ВОЗРОЖДЕНИЕ: 1943–1950 гг.	231
Глава 7. ГОСПОДЬ БОГ, БЕТОН, ГЕРОИН И «КОЗА НОСТРА»: 1950–1963 гг.....	265
Глава 8. ПЕРВАЯ ВОЙНА МАФИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: 1962–1969 гг.....	294
Глава 9. ИСТОКИ ВТОРОЙ ВОЙНЫ МАФИИ: 1970–1982 гг.....	315
Глава 10. TERRA INFIDELIUM: 1983–1992 гг.....	352
Глава 11. ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ И «ПОГРУЖЕНИЕ»: 1992–2003 гг.....	373
Глава 12. СЫР РИКОТТА И ПРИЗРАКИ: ХРОНИКИ «КОЗА НОСТРЫ» С ЛЕТА 2003 г.	407
Благодарности автора	418
Алфавитный указатель	421

«Люди чести»

Бесчисленные фильмы и романы придали мафии зловещее очарование. Эти повествования оказались столь убедительными потому, что драматизировали повседневность, добавляя к ней холодок по коже, возникающий из сочетания опасности и непревзойденной хитрости. Мир кинематографической мафии есть мир, в котором конфликты, ощущаемые всеми и каждым — между соперничающими амбициями, обязательствами и семьями, — становятся вопросами жизни и смерти.

Будет одновременно ханжеством и ложью утверждать, что мафии, изображаемой в фильмах и романах, не существует; она существует, но она стилизована. Мафиози, подобно всем прочим, обожают смотреть телевизор и ходить в кино, дабы полюбоваться на стилизованные версии их повседневной жизни на экранах. Томмазо Бушетта был без ума от «Крестного отца», хотя считал, что сцена в конце фильма, когда мафиози целуют руку Майклу Корлеоне, не соответствует действительности. Конфликтующие между собой обязательства, которые движут Майклом Корлеоне в исполнении Аль Пачино, — амбициозность, ответственность, долг перед семьей, — на самом деле идентичны тем, которые определяют жизнь настоящих мафиози.

Принципиальное отличие реальности от вымысла состоит в том, что никакое очарование кинематографа не выдерживает столкновения с ужасающей реальностью «Коза ностры». Менее очевидно, но не менее важно то обстоятельство, что история Майкла Корлеоне повествует о моральной угрозе неконтролируемой власти, тогда как настоящие сицилийские мафиози подчиняются кодексу чести, ограничивающему свободу их действий. «Человек чести» может манипулировать этими правилами, переписывать их и даже иногда пренебрегать ими, однако он всегда помнит, что именно эти правила обеспечивают ему то или иное положение в глазах старших. Отсюда вовсе не следует, что кодекс

мафиозной чести имеет сколько-нибудь прямое отношение к чести в представлении обычных людей. В «Коза ностре» слово «честь» наделяется совершенно особым значением, оправдывающим многие поступки членов мафии, в том числе и «подвиги» Джованни Бруски — того самого человека, который несет ответственность за взрыв у Капачи.

В «Коза ностре» Бруска был известен под прозвищем *«lo scannacristiani»* — «тот, кто режет глотки христианам». На Сицилии слово «христианин» — синоним слова «человек»; в мафиозных кругах быть христианином означает быть «человеком чести». Бруска входил в состав «отряда смерти», подчинявшегося непосредственно боссу боссов, главе корлеонцев Коротышке Тото Риине. После взрыва в Капачи Джованни Бруска не бездельничал. Он убил босса семьи Алькамо, который начал оспаривать власть Риины; через несколько дней после этого убийства люди Бруски задушили беременную подругу жертвы. Затем Бруска прикончил чудовищно богатого бизнесмена — и «человека чести», не сумевшего воспользоваться своими политическими связями, чтобы защитить мафию от «макси-процесса».

Дальше было только хуже. *«Lo scannacristiani»* дружил с другим «человеком чести» Сантино Ди Маттео, чей маленький сын Джузеппе часто играл с Бруской в семейном саду. Все это происходило до того, как Сантино Ди Маттео решил поделиться тайнами «Коза ностры» с государством: он первым среди мафиози рассказал властям, как было спланировано и осуществлено убийство Фальконе. Выполняя распоряжение вышестоящих, Бруска похитил сына Ди Маттео из гимнастического зала и продержал его в заложниках в погребе целых двадцать шесть месяцев. Наконец в январе 1996 года, когда Джузеппе исполнилось четырнадцать, Бруска приказал задушить мальчика, а тело его растворить в кислоте.

«Lo scannacristiani» был арестован 20 мая 1996 года в сельской местности близ Агриженто. Четыреста полицейских окружили двухэтажный, похожий на коробку дом, где укрывался мафиозо. Около 9 утра группа численностью в тридцать человек проникла в здание через двери и окна. Бруска сидел за столом вместе с семьей и смотрел по телевизору передачу о Джованни Фальконе, четвертую годовщину со дня смерти которого отмечали в Италии накануне. В спальне полиция обнаружила платяной шкаф, битком набитый одеждой от Армани и Версаче, и большую красную сумку с 15 000 долларов в итальянской и американской валюте, а также два сотовых телефона и различные драгоценности, в том числе часы от Картье. На столе

в гостиной лежал пистолет с коротким стволом — пластиковый муляж, оружие сына Бруски, Давиде.

Ныне Бруска сотрудничает с полицией. По его собственному, устрашающе неопределенному признанию, он убил «гораздо больше сотни, но меньше двухсот человек». Вот что он заявил по поводу смерти Джузеппе Ди Маттео:

«Если бы у меня было время подумать, или успокоиться, как бывало в других случаях, тогда, наверно, появилась бы маленькая надежда — один шанс из тысячи, из миллиона, — что парень останется в живых. Но что уж теперь рассуждать, как оно могло бы выйти. В тот момент я просто не успел задуматься».

В сицилийской мафии пугает то, что люди наподобие «*lo scannacristiani*» отнюдь не считаются в ней отщепенцами. Их действия вполне совместимы с мафиозным кодексом чести, с тем, как, по представлениям «Коза ностры», должны вести себя заботливый муж и любящий отец. До того дня, когда он решил отдаться под защиту государства и поведать о своих преступлениях, все действия Бруски, включая убийство ребенка немногим старше его собственного, воспринимались другими мафиози как вполне справедливые и «честные».

После взрыва в Капачи ряды перебежчиков стали пополняться, причем некоторые из «раскаявшихся» оправдывали свое решение тем, что киллеры наподобие «*lo scannacristiani*» предали традиционные ценности и кодекс чести. Томмазо Бушетта прибегнул к тому же доводу: «Не я оставил “Коза ностру”, а “Коза ностра” бросила меня». Но это утверждение по меньшей мере спорно, поскольку в рядах мафии предательство и жестокость всегда прекрасно сочетались с кодексом чести. Джованни Бруска — куда более типичный мафиозо, чем могло бы показаться со слов некоторых перебежчиков.

Новая «послекапачийская» волна *pentiti* позволила исследователям получить подтверждение ряда сведений о внутренней культуре мафии — сведений, предоставленных Бушеттой и его соратниками. Сегодня ясно, что кодекс чести представляет собой гораздо большее, нежели просто свод правил. Стать «человеком чести» означает приобрести новую личность, вступить в новый этический универсум. Честь мафиозо — знак этой новой личности, этой новой этической принадлежности.

Томмазо Бушетта вкратце изложил Фальконе мафиозный кодекс чести в 1984 году. Он рассказал об инициационном обряде, в ходе

которого кандидат приносит клятву молчания и верности до самой смерти, держа в руках горящий образ (обычно изображение Благовещения). Прежде слухи об этом диковинном ритуале считались народными домыслами; эта часть показаний Бушетты до сих пор кажется противоречащей здравому смыслу. Однако из признаний Бушетты, «*lo scannacristiani*» и других мафиози стало совершенно очевидно, что члены мафии принимают подобные ритуалы всерьез, как вопросы чести, жизни и смерти.

Обряд посвящения показывает, что честь, как статус, полагается заслужить. До тех пор пока он не стал «человеком чести», кандидат в мафиози находится под пристальным наблюдением и проходит испытания: почти всегда необходимым условием для вступления в мафию является совершение убийства. В период подготовки кандидату постоянно напоминают, что, пока не пройден ритуал, он — никто, «ничто, помноженное на нуль». Поэтому инициация зачастую оказывается важнейшим событием в жизни мафиози. Сжигание священного образа символизирует смерть обычного человека и его возрождение в качестве «человека чести».

При посвящении кандидат приносит клятву повиновения; это первая опора кодекса чести. «Посвященный» всегда послушен своему капо; он никогда не спрашивает: «Зачем?» Один из способов осознания необходимости полного подчинения является одновременно самым главным испытанием: имеется в виду способность убивать женщин и детей. Сицилийская мафия всегда выказывала трепетное отношение к подобным случаям; мафиози не упускали случая упомянуть о том, что и пальцем не касались ни детей, ни женщин. Следует признать, что многие «люди чести» и вправду стремятся придерживаться этого принципа.

Разумеется, «Коза ностра» не убивает младенцев направо и налево — не в последнюю очередь из-за того, что такие убийства могут подпортить ее имидж и отпугнуть от нее даже ближайших сторонников. Тем не менее, Джузеппе Ди Маттео был далеко не первым ребенком, погибшим от рук мафиози. Устранение женщин и детей признается бесчестным только в случае, если оно было совершено без необходимости; насущной же эта операция становится, когда на кону оказывается жизнь мафиозо — между тем, нередко бывает, что человек подвергает собственную жизнь опасности, просто вступив в «Коза ностру»...

Как почти все преступления мафии, убийство Джузеппе Ди Маттео было совершено с общего согласия. Смерть мальчика оказалась частью стратегии, избранной лидерами «Коза ностры» для борьбы

с перебежчиками, признания которых ставили под угрозу всю организацию. А поскольку решение было принято коллегиально и сделано, тем самым, частью политики организации, не исполнить его означало бы нарушить кодекс чести.

Здесь и пригодилась клятва повиновения. Мафиозо, осуществивший приговор и своими руками задушивший Джузеппе Ди Маттео по приказу Бруски, позднее объяснял суду:

«Если хочешь сделать карьеру, надо всегда соответствовать... Я хотел подняться повыше, так что согласился с самого начала: знал, что коли получится, все будет как надо. Я был солдатом "Коза ностры", подчинялся приказам; мне следовало задушить мальчика, чтобы взобраться наверх, — и я его задушил. Такие дела».

Честь приобретается через послушание; в награду за «соответствие» мафиози получают дополнительные «баллы», а через них — доступ к большому количеству денег, большим объемам информации, большей власти. Принадлежность к «Коза ностре» наделяет человека теми же преимуществами, что и принадлежность к другим организациям: возможность карьерного роста, осознание собственного статуса, развитие чувства коллективизма, шанс переложить ответственность, моральную и иную, на вышестоящих и т. п. Все перечисленные позиции суть неотъемлемые элементы мафиозного кодекса чести.

Честь также предусматривает искренность по отношению к другим «людям чести» — и, следовательно, провоцирует знаменитую эфемистическую манеру речи мафиози. Джованни Бруска вспоминал, что, встретившись в Нью-Джерси с американскими мафиози, он был потрясен их болтливостью. В его честь был организован ужин; едва войдя в ресторан, Бруска с изумлением отметил, что все без исключения местные мафиози привели с собой любовниц. Мало того, они открыто обсуждали, кто из собравшихся к какой мафиозной семье принадлежит. «На Сицилии никому из нас и в голову не пришло бы говорить о таких вещах в ресторане. Да и наедине, если уж на то пошло. Все и так знают ровно столько, сколько им нужно знать». По словам Бруски, он настолько растерялся, что извинился и ушел. «Другой подход, — заключил он свои рассуждения о встрече с американцами. — Они живут при свете дня и убивают только в крайнем случае, когда больше некуда деваться. Такой резни, как бывает у нас на Сицилии, им и не снилось».

Обязанность мафиози говорить правду частично призвана обеспечить взаимное доверие, которое, как правило, в дефиците среди пре-

ступников. Потребность в доверии также объясняет те статьи кодекса мафии, где говорится о сексе и браке. Новые «посвященные» клянутся не иметь доходов с проституции; переспать с женой другого мафиозо означает подписать себе смертный приговор. Более того, если мафиозо увлекается азартными играми и женщинами и кичится своим богатством, скорее всего, его сочтут не заслуживающим доверия и потому вполне заменимым. Тот, кто придерживается правил кодекса, демонстрирует своим соратникам, что на него можно положиться. По той же причине высшее руководство мафии демонстративно «пачкает руки»: культуре организации вообще присущ старомодный патриархальный мачизм. К примеру, деловое расписание добропорядочного мафиозо должно включать в себя мужские развлечения — охоту и участие в банкетах.

Честь также включает в себя верность. Членство в «почетной организации» (как именуют мафиози свой синдикат) влечет за собой формирование новых привязанностей, куда более значимых, нежели кровные узы. Честь требует от мафиозо ставить интересы «Коза ностры» выше родственных интересов. Энцо Бруска, брат «*Io scannacristiani*», также работал на мафию, участвовал в убийствах, но так и не стал «человеком чести». Как и подобает, он не задавал вопроса: «Почему?» О деяниях своих родичей-членов «Коза ностры» он узнавал из слухов и газетных статей, а потому долгое время и не подозревал, что его отец — босс местного *mandamento* (района). Иными словами, хотя Энцо Бруска участвовал в операциях и входил в ту же семью, что и «люди чести», он не был посвящен в деятельность Семьи с большой буквы.

Обратное не верно — в том отношении, что босс мафии в полном праве наблюдать за личной жизнью своих подчиненных и вмешиваться в нее. Например, чтобы жениться, мафиозо чаще всего должен получить разрешение у своего капо. Для организации жизненно необходимо, чтобы ее члены выбирали себе партнеров разумно, а в браке вели себя достойно. По правде сказать, у мафиози гораздо больше причин доставлять удовольствие своим женам, нежели у обычных людей: разочарованная браком жена мафиозо способна причинить урон организации в целом — хотя бы через обращение в полицию. Члены «Коза ностры» блюдут престиж своих супругов: табу на адюльтер во многом объясняется тем, что, как пояснял судья Фальконе, жены «людей чести» не должны подвергаться унижениям в своей социальной среде. Мафиози часто женятся на сестрах и дочерях других «людей чести» — на женщинах, которые всю жизнь провели в кругу мафии и потому

с высокой долей вероятности будут играть скромную подчиненную роль, предназначенную им организацией. Несмотря на свое подчиненное положение, женщины могут помогать мужчинам — это допускается кодексом. Однако они не могут официально вступить в мафию; звание «человек чести» — сугубо мужская привилегия. Тем не менее, честь мафиозо повышает престиж его супруги, а «приличное поведение» жены дает мужу дополнительные «баллы» чести.

Судья Фальконе однажды сравнил вступление в мафию с обращением в веру: «Нельзя перестать быть священником. Или мафиозо». Параллели между мафией и религией этим не ограничиваются, во многом потому, что многие «люди чести» являются верующими. Босс Катании Нитто Сантапаола построил на своей вилле часовенку с алтарем; по словам одного *pentito*, тот же самый Сантапаола приказал задушить и бросить в колодец четверых юнцов, напавших на его мать. Нынешний «главный босс» Бернардо Провенцано по прозвищу Трактор общается с подчиненными из тайного логова, посылая им записки; некоторые полиции удалось перехватить. Все они содержат благословения и обращения к небесному покровительству: «Я всей душой желаю быть слугой Господним». Один из боссов, возглавлявших, подобно «*lo scannacristiani*», отряд смерти, молился перед каждой операцией: «Господи, воля Твоя, это они хотят погибнуть, а на мне вины нет!»

Подобные сантименты в известной мере суть проявления терпимости, которую католическая церковь проявляла по отношению к мафии на протяжении многих лет. Церковники нередко воспринимали людей, чье могущество возникло на крови, так, будто они ничем не отличались от прочих, «обыденных» грешников. Церковь не обращала внимания на зловещее влияние мафии, поскольку последняя, как казалось, исповедует те же христианские ценности: почтительность, смирение, уважение к традициям, святость семьи. Более того, церковь охотно принимала подношения из богатств, накопленных нечестным путем. Ей достаточно было видеть в *cosche* (множественное число от *cosca*) сообщества верующих, поэтому она доверяла управление благотворительными фондами администраторам с руками по локоть в крови. Среди служителей церкви, как ни чудовищно это прозвучит, были даже убийцы. История взаимоотношений церкви с мафией пестрит подобными эпизодами.

Но дело отнюдь не в том, что мафия, как утверждают некоторые, представляет собой своеобразное ответвление католической церкви. Религия мафиозо не имеет ничего общего с церковью как социаль-

ным институтом. На деле тайна религиозности мафии заключается в том, что религия и мафиозный кодекс чести служат одной и той же цели; они выражают одно и то же на разных языках. Религиозность мафии порождает чувства принадлежности, сопричастности и доверия плюс свод гибких правил, опирающихся на церковную лексику, тогда как кодекс чести апеллирует к рыцарским чувствам, пользовавшимся популярностью в тот период, когда мафия только зарождалась.

Как и честь, религия помогает мафиози оправдывать свои действия — перед самими собой, перед другими, перед семьями. Мафиози часто считают, что убивают во имя чего-то большего, нежели деньги и власть; пытаюсь определить это большее, они чаще всего употребляют слова «честь» и «Бог». Религия, которую исповедуют мафиози и члены их семей, находится в универсуме мафиозного кодекса чести; крайне сложно установить, где заканчивается искренняя — пускай ошибочная — вера и где начинается циничный обман. Чтобы понять образ мышления мафии, нужно отдавать себе отчет в том, что в сознании каждого члена организации правила чести соседствуют с расчетливостью, ложью и безжалостной жестокостью.

Тем самым «честь» выступает как знак профессиональных достижений, система внутренних ценностей и как тотем, как олицетворение групповой идентичности организации, которая трактует себя как стоящую выше добра и зла. Поэтому честь не имеет ничего общего с сицилийскими традициями, рыцарством или католицизмом. Выражается ли она в религиозных терминах или в псевдо-аристократическом наречии, вся жизнь мафиози определяется кодексом, безоговорочно подчиняющим интересы отдельных членов мафии интересам организации в целом.

Когда все складывается удачно, кодекс внушает мафиози чувство гордости за себя и своих соратников. Мафиозо из Катании Антонино Кальдероне заявил: «Мы — мафиози, все прочие — обыкновенные люди»: под этими словами подписался бы любой член мафии. Однако именно по этой причине мафиозо без чести — никто, он — мертвец. Для члена «Коза ностры» потерпеть поражение в одной из многочисленных междоусобных стычек и потерять честь — совершенно равнозначные события.

Не удивительно поэтому, что решение нарушить кодекс чести и стать государственным свидетелем оказывает на некоторых мафиози травматическое воздействие. Ведь оно означает отказ от коллектива, разрыв дружеских и семейных уз, попытку примириться с жизнью,

основанной на убийствах, — и автоматический смертный приговор. Джованни Бруска утверждал, что ему потребовалось гораздо больше мужества, чтобы принять подобное решение, чем чтобы убивать.

Нино Джое — так звали того мафиозо, который шептал: «Ваи!», когда Бруска готовился нажать на кнопку у Капачи. Будучи арестован и помещен в одиночную камеру летом 1993 года, Джое начал ощущать бремя долгих лет, прожитых по правилам «Коза ностры». Он знал, что полиции удалось прослушать часть его разговоров и что в этих разговорах он, сам того не желая, выдал государству других членов организации — то есть невольно нарушил священнейшую из заповедей «Коза ностры». Он чувствовал, как среди его товарищей по заключению нарастает напряжение. Чем тяжелее становилось бремя, тем больше Джое нервничал; он отпустил бороду и перестал следить за своей одеждой. «Людам чести» даже в тюрьме полагается поддерживать достоинство, посему внешний вид Джое лишь усугублял опасения тех, кто окружал его в тюрьме: мафиози боялись, что он сломается и выложит полиции все, что знает. Однако 28 июля 1993 года Джое повесился в камере на шнурках своих теннисок. Для «людей чести» кончать жизнь самоубийством крайне нетипично; посмертная записка Джое может послужить финальным примером того, что значит жить и умирать по кодексу чести:

«Этим вечером я обрету покой и безмятежность, которые утратил лет семнадцать назад [при посвящении в “Коза ностру”]. Утратив их, я превратился в чудовище и оставался чудовищем до тех пор, пока не взял в руки карандаш, чтобы написать эти строки... Прежде чем уйти, прошу прощения у своей матери и у Господа Бога, потому что их любовь не ведает пределов. Остальной мир — я знаю — никогда меня не простит».

Вопрос, возникающий у историка, который лицезрел эту картину из жизни «Коза ностры», гласит: «Всегда ли так бывает?» Ответ на удивление прост: никто не может сказать наверняка. *Pentiti* неоднократно давали показания в полиции, но разговор всегда шел о конкретных преступлениях, а не о том, каково это — быть мафиозо. Но те немногие свидетельства, которыми мы располагаем, дают основание считать, что жизнь мафиозо так или иначе строится вокруг кодекса чести. В конце концов, не будь его, мафия вряд ли просуществовала бы так долго — более того, могла бы и вовсе не возникнуть.

ГЛАВА 1

Возникновении мафии: 1860–1876 гг.

Два цвета Сицилии

Палермо стал итальянским городом 7 июня 1860 года, когда, по условиям прекращения огня, две длинные змеи — колонны побежденных — выползли из города и сложились вдвое против собственной длины за городскими стенами в ожидании кораблей, которые должны были переправить их домой, в Неаполь. Отступление неаполитанцев стало кульминацией одного из наиболее известных военных свершений столетия, вершиной патриотического героизма, поразившего Европу. До того дня Сицилией управляли из Неаполя, как частью королевства Бурбонов, охватывавшего почти всю южную Италию. В мае 1860 года Джузеппе Гарибальди и около 1000 добровольцев — знаменитых краснорубашечников — высадились на острове с целью присоединить его к новообразованному Итальянскому королевству. Под руководством Гарибальди эти патриотичные оборванцы дезориентировали и разгромили куда более многочисленную неаполитанскую армию. Палермо сдался после трех дней ожесточенных уличных боев, причем на протяжении этого времени флот Бурбонов непрерывно бомбардировал город.

После освобождения Палермо Гарибальди повел своих людей, заметно увеличившихся в числе и превратившихся уже в настоящую армию, на восток, к материку. 6 сентября героя приветствовал Неаполь, а в следующем месяце он передал все освобожденные им территории под власть короля Италии. Сам Гарибальди отказался от каких бы то ни было наград и вернулся на свой остров Капрера, имея при себе разве что пончо, немного еды и семена для сада. Проведенный вскоре плебисцит подтвердил, что Сицилия и южная Италия действительно стали частью Итальянского королевства.

Даже современники считали свершения Гарибальди «эпическими» и «легендарными». Однако эти достижения быстро утратили значимость, превратились в воспоминание — столь напряженными и мучительными оказались взаимоотношения Сицилии с Итальянским королевством. Гористый остров издавна пользовался дурной славой революционного порохового бочонка. Гарибальди преуспел на Сицилии во многом потому, что его интервенция привела к народному восстанию, сокрушившему режим Бурбонов. Как не замедлило выясниться, восстание 1860 года было лишь прелюдией к настоящим неприятностям. Причисление 2,4 миллионов сицилийцев к гражданам Италии обернулось подлинной эпидемией заговоров, грабежей, убийств и сведений счетов.

Королевские министры, по происхождению в основном из северной Италии, рассчитывали найти себе партнеров среди верхних слоев сицилийского общества, среди тех, кто напоминал им их самих — консервативных землевладельцев, обладающих способностью управлять и имеющих желание осуществлять упорядоченное экономическое развитие. Вместо этого министры, к их неподдельному изумлению, столкнулись с откровенной анархией: революционеры-республиканцы имели тесные контакты с шайками преступников, аристократы и церковники тосковали по режиму Бурбонов или же ратовали за автономию Сицилии, местные политики не брезговали похищениями и убийствами как инструментами борьбы с не менее неразборчивыми в средствах оппонентами. Вдобавок государство объявило всеобщую воинскую обязанность, о которой на Сицилии прежде не слыхивали, а потому встретили в штыки. Многие также считали, как оказалось, что участие в народной революции освобождает их от необходимости платить налоги.

Сицилийцы, пожертвовавшие политическими амбициями во имя революции, возмутились поведением правительства, которое высокомерно, как они полагали, лишило их доступа к власти — а ведь последняя требовалась им для решения проблем острова. В 1862 году сам Гарибальди впал в такое отчаяние от состояния дел в новообразованном королевстве, что вернулся из добровольной отставки и использовал Сицилию как базу для организации нового вторжения на материк. Он стремился освободить Рим, который по-прежнему оставался под властью папы (Рим стал столицей Италии только в 1870 году). Правительственные войска остановили Гарибальди в горах Калабрии, где недавний герой был ранен в пятку.

Итальянское правительство отреагировало на кризис введением на Сицилии чрезвычайного положения, тем самым подав пример на десятилетия вперед. Не желая или будучи не в силах умиротворять Сицилию политически, правительство регулярно прибегало к военной силе: на острове то и дело высаживались экспедиционные корпуса, города подвергались осаде, проводились массовые облавы и аресты — без суда и следствия. Но ситуация нисколько не улучшалась. В 1866 году в Палермо вспыхнул новый бунт, во многом идентичный тому восстанию, которое свергло Бурбонов. Как это было во время атаки Гарибальди в 1860 году, отряды бунтовщиков спустились в город с окрестных холмов. Ходили слухи — не получившие подтверждения — о случаях каннибализма и питья крови; правительство вновь ввело чрезвычайное положение. Бунт 1866 года был подавлен, но только через десять лет, наполненных волнениями и репрессиями, Сицилия привыкла к существованию заодно с прочей Италией. В 1876 году островные политики впервые вошли в состав коалиционного правительства в Риме.

Постоянным контрапунктом к возмущениям на Сицилии между 1866 и 1876 годами оставалось впечатление, которое красоты острова производили на путешественников, зачистивших на Сицилию после присоединения ее к Италии. Все эти путешественники теряли дар речи, когда им открывался вид на Палермо. Один *garibaldino*, впервые увидевший Палермо с моря, вспоминал, что город выглядел будто воплощение детской сказки. Его стены были окружены поясом оливковых и лимонных рощ, за которыми возвышался амфитеатр окрестных холмов и гор. Суровое очарование заключалось и в городской планировке: две главных улицы Палермо шли перпендикулярно друг другу и пересекались у Кватро Канти («четыре углов») — площади семнадцатого века. На каждом из углов Кватро Канти возвышался ансамбль балконов, карнизов и ниш, символизировавший четыре городских квартала.

Несмотря на урон, причиненный бомбардировкой с моря, Палермо в 1860-е годы предлагал местным жителям и приезжим многочисленные развлечения: самым главным из них, пожалуй, считалась прогулка по знаменитой морской набережной — Марине. На протяжении бесконечно длинного лета, едва спадала невыносимая дневная жара, благородные горожане отправлялись на прибрежные прогулки в свете луны и вдыхали ароматы цветущих деревьев — или же поедали мороженое и шербет, совершая променады под мелодии известных опер в исполнении городского оркестра.

На узких извилистых улочках вдалеке от главных улиц и от Марины аристократическими дворцам приходилось тесниться по соседству с рынками, мастерскими ремесленников, складами и почти двумястами (точнее, 194) богоугодными обителями. В начале 1860-х годов приезжие не уставали отмечать количество монахов и монахинь на городских улицах. Также Палермо казался своего рода каменным палимпсестом культуры, уходящей в глубь времен на многие сотни лет. Подобно острову в целом, город изобиловал монументами, оставшимися после многочисленных захватчиков. Начиная с древних греков каждая средиземноморская держава, от Рима до королевства Бурбонов, стремилась подчинить Сицилию себе. На многих остров производил впечатление собрания диковинок: греческие амфитеатры и храмы, римские виллы, арабские мечети и сады, норманнские соборы, дворцы эпохи Возрождения, церкви в стиле барокко...

Сицилия воспринималась в двух цветах. Когда-то она была житницей древнего Рима. На протяжении столетий пшеница колосилась на бескрайних полях, золотя окружающие холмы. Другой цвет был менее «возрастным». Арабы, завоевавшие Сицилию в девятом веке, принесли с собой новую технологию орошения земель; при них остров покрылся цитрусовыми рощами, наделившими северное и восточное побережья сенью темно-зеленой листвы.

Именно в беспокойные 1860-е годы итальянская правящая верхушка впервые услышала о сицилийской мафии. Поскольку никому не было известно, что это такое на самом деле, люди, писавшие о мафии, заключали, что она — рудимент, наследие Средних веков, такое свидетельство столетий дурного правления чужеземцев, благодаря которому остров пребывал в отсталом состоянии. Соответственно истоки мафии пытались обнаружить в пшеничном золоте холмов, среди древних поместий, где выращивали пшеницу. Несмотря на свою дикую красоту, внутренняя часть Сицилии была наглядной метафорой всего, что Италия стремилась изжить и оставить позади. В огромных поместьях трудились сотни голодных крестьян, которых эксплуатировали жестокие помещики. Многие итальянцы видели в мафии олицетворение сицилийской отсталости и бедности и надеялись, что мафия исчезнет сама собой, как только Сицилия вынырнет из пучины изоляции и нагонит историческое время. Некий оптимист даже утверждал, что мафия исчезнет «с первым свистком локомотива». Эта вера в древность мафии никогда не иссякала окончательно — во многом потому, что «люди чести» ее поддерживали. Томмазо Бушетта ис-

крenne полагал, что мафия зародилась в средние века как движение сопротивления французским оккупантам.

Однако на самом деле мафия не может похвастаться столь почтенным возрастом. Она зародилась приблизительно в то время, когда о ней впервые слышали гневливые итальянские правительственные чиновники. Мафия и новообразованное государство родились вместе. Между прочим, известность, которую получило слово «мафия», представляет собой весьма любопытный факт; итальянское правительство, озабочившееся этим словом и тем, что за ним стояло, сыграло существенную роль в его распространении.

Как и подобает, пожалуй, преступному гению мафии, ее происхождение невозможно свести к какой-либо одной истории — приходится анализировать сразу несколько. Изучение этих историй и сопоставление их требует определенной хронологической сноровки, если не сказать — изворотливости: нам придется перемещаться то вперед, то назад в беспокойном десятилетии 1866–1876 гг. и даже совершить короткое путешествие на пятьдесят лет в прошлое, а также прислушаться к свидетельствам людей, бывших свидетелями и соучастниками зарождения мафии.

Лучше всего начать не со слова «мафия» — по причинам, которые непременно выяснятся, — а с дел ранней мафии и с мест, где она начинала свою деятельность. Ведь если мафия не может претендовать на древность, значит, покрытые пшеничным золотом холмы внутренней Сицилии отнюдь не являются местом ее рождения. Мафия возникла в той области, которая до сих пор представляет собой сердце острова, в которой сосредоточены сицилийские богатства, — на темно-зеленом побережье, среди современного капиталистического импортно-экспортного бизнеса, в идиллических апельсиновых и лимонных рощах на окраинах Палермо.

Доктор Галати и лимонный сад

Мафия оттачивала свои методы в период быстрого роста производства и сбыта цитрусовых. Сицилийские лимоны приобрели товарную ценность в конце 1700-х годов. Бум продажи этих удлинённых желтых плодов в середине девятнадцатого столетия привел к разрастанию темно-зеленого пояса Сицилии. Значительную роль в этом буме сыграла Британская империя. С 1795 года на Королевском флоте лимоны использовались как средство для предотвращения цинги. Кроме лимо-